

ПРИБАВЛЕНИЕ

къ

ДУХОВНОМУ ВѢСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

15-го іюля

№ 14-й

1897 года.

Кто учить людей срамословію?

(Изъ проповѣдей о. протоіерея Іоанна Полисадова).

Отложите срамословіе отъ устъ вашихъ (Кол. 3, 8).

Скажите, люди православные: кто далъ первому человѣку даръ слова, кто научилъ его говорить? Самъ собою онъ этого выдумать не могъ; научиться было не у кого: откуда же у него взялось такое неоцѣненное сокровище, какъ слово?—Оно дано ему, конечно, отъ Бога. Это Онъ, премудрый, создавшій словомъ Своимъ всю вселенную, это Онъ украсилъ даромъ слова и перваго человѣка, и тѣмъ отличилъ его отъ прочихъ земныхъ тварей безсловесныхъ и бездушныхъ. Именно такъ—слово отъ Бога! Откуда же у человѣка взялись слова недобрыя, гнилыя, оскорбляющія богоподобіе природы человѣческой? Конечно—отъ врага и губителя рода человѣческаго, отъ діавола.—Да, ему, вселукавому, завидно стало, что Господь по благодати Своей такъ щедро наградилъ Свое высшее созданіе земное, то-есть, человѣка, развѣ малымъ чѣмъ умаленнаго отъ Ангела. И вотъ онъ, нечистый, скверный и омерзенный, послѣ перваго грѣха, въ который ввелъ соблазномъ первыхъ двухъ людей, мало-по-малу сталъ внушать потомкамъ ихъ: то нечистыя мысли, то скверныя слова, то злыя дѣйствія. Пока человѣкъ былъ въ невинномъ и блаженномъ состояніи, онъ употреблялъ слово только на прославленіе Божіе, на благодареніе.

ніе Творцу за Его великія совершенства и благодѣянія, да на бесѣду съ Ангелами. А затѣмъ, послѣ паденія, выражалъ онъ этимъ словомъ свое сожалѣніе о грѣхѣ своемъ, свое предъ Богомъ покаяніе, свои нужды, свои надежды на спасеніе въ обѣтованномъ Искупителѣ. Но діаволь, будучи не въ силахъ отнять у человѣка то, что далъ ему Самъ Богъ, то-есть, лишить его дара слова, извратилъ въ немъ эту высшую способность души, и вмѣсто прославленія имени Божія заставилъ человѣка выражать только ропоть и хулы на своего Создателя; вмѣсто чувства скорби и раскаянія внушилъ ему только смѣхъ, кощунство, осужденіе и злорѣчіе, и вмѣсто сладостной молитвы научилъ его гнусному срамословію. Стало быть, когда ты, слабый и несчастный человѣкъ, все носящій на себѣ пречестное имя Христово, своими устами произносишь всякую нечистоту, брань, хулы и оскверняешь воздухъ иногда такими мерзкими словами, отъ которыхъ и безсловесное животное отворачивается, тогда — подумай хорошенько да скажи по совѣсти: кого ты потѣшаешь, кого ты слушаешь тогда? Кого, какъ не діавола, котораго, безъ всякаго сомнѣнія, эти скверныя слова твои услаждаютъ до-нельзя!...

Да, у нашихъ простолюдиновъ не только въ ссорѣ или дракѣ, но часто даже и въ радости и въ дружбѣ, даже и въ разговорахъ о томъ, что должно бы возбуждать одно благоговѣніе предъ Богомъ, не рѣдко слышится сквернословіе, безъ всякаго стѣсненія окружающими лицами, будутъ ли тутъ духовныя или свѣтскія, дѣвицы ли цѣломудренныя, или дѣти и младенцы непорочныя, свои ли или чужіе. Иной даже щеголяетъ этой мерзостью, такъ что человѣку благородному со стороны бываетъ стыдно за такого сквернослова, который явно унижаетъ, хуже скота ставитъ свою природу человѣческую и дѣлается опаснѣе всякаго прокаженнаго. Поэтому св. Апостолъ Павелъ повѣлѣваетъ намъ бѣгать таковыхъ людей. А какъ ихъ избѣжишь, когда зараза сквернословія, особенно при пьянствѣ, у насъ почти на каждомъ шагѣ!.. Что же за причина такому широкому распространенію этой скверной привычки къ срамословію?—Думается, что врагъ рода человеческого тамъ то и сильнѣе дѣйствуетъ, гдѣ видитъ крѣпкіе оплоты противъ себя въ истинной Церкви святой. Не имѣетъ онъ возможности разрушить то, что Самъ Богъ хранитъ Своею силою, и вотъ, лукавый, старается ослабить и разрушить Божіе воинство, влагая въ его душу, вмѣстѣ съ грязными словами, и нечистыя мысли и

чувства: при этомъ ему становится уже легко одерживать свою побѣду на погибель этихъ душъ, которыя онъ успѣлъ растлѣть и осквернить ядомъ злословія и срамословія.—И какъ это можно намъ-то, людямъ православнымъ, сквернить свои уста этимъ срамословіемъ и этою гнилью, уста, помазанныя мѣромъ при св. крещеніи, уста, которыя далъ намъ Господь для прославленія имени Его, для лобзанія креста, св. иконъ и пречистыхъ язвъ Его, для принятія небесныхъ страшныхъ и животворящихъ Его Таинъ—пресвятаго тѣла и пречестныя крови Его, для пѣснопѣнія Ему не только на землѣ, но и на небѣ, вмѣстѣ съ небожителями? О, какой великій, тяжкій грѣхъ—это сквернословіе... Да прильпнетъ, христіанинъ, языкъ твой гортани твоему, если ты осмѣлишься употреблять его, какъ бритву изощренную и ядомъ отравленную, на погибель души своей и душъ невинныхъ, цѣломудренныхъ! Нѣтъ, *всяко слово гнило*, даже праздно, *да не исходитъ изъ устъ* (Еф. 4, 29), ибо Самъ Господь сказалъ, что за всякое слово праздное, *еже аще рекуть чловѣцы, воздадутъ о немъ слово*, то-есть, великій предъ Богомъ отвѣтъ *въ день судный* (Мѣ. 12, 26). Особенно берегись, чтобы гнилыя, скверныя твои слова или рассказы, поговорки и кощунства надъ священными предметами и лицами, не подслушала нечаянно невинная душа твоего роднаго или чужаго дитяти, которое можетъ запомнить эту гадость на цѣлую жизнь, а потомъ и въ погибель употребить твое срамословіе. Соблазнъ—дѣло великое. Убить соблазномъ душу невинную едва ли не гораздо больше грѣхъ, чѣмъ убить чловѣка. Разбойникъ убиваетъ только тѣло чловѣка, а ты своимъ блуднымъ срамнымъ словомъ можешь убить и душу и тѣло другаго, который можетъ передать эту смертельную отраву еще кому-нибудь, а тотъ опять другимъ и такъ далѣе. Поэтому и Спаситель сказалъ о соблазнитель: *иже аще соблазнитъ единого малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя, уне—лучше есть ему, да обьсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстнѣй* (Мѣ. 18, 6).—Неразумный ты чловѣкъ! Подумай, что ты дѣлаешь, когда уста свои сквернишь! Какой ты тяжкій грѣхъ на душу свою тогда берешь! Вѣдь Господь-то на всякомъ мѣстѣ владычествія Его. Онъ все слышитъ и все видитъ. Ужели ты рѣшился бы сказать срамное слово предъ тѣмъ начальникомъ, отъ котораго зависишь ты? Могъ ли бы тебѣ простить такую дерзость Царь земной, если бъ ты въ его присутствіи вздумалъ говорить срамныя слова при дѣтяхъ его? Какъ

помощи въ борьбѣ съ этой привычкой. Вѣдь и предъ Богомъ грѣшно, и предъ людьми стыдно, и предъ самимъ собою-то совѣстно и опасно... Истинно такъ! Аминь.

Вѣра и ея отношеніе къ христіанскому знанію,

по ученію Климента Александрійскаго.

(Окончаніе *)

Климентъ считаетъ всѣ науки полезными для упражненія способностей души, для яснаго сознанія истинъ вѣры, для защищенія и отличенія ихъ отъ ложныхъ ученій и для восхожденія къ высшему христіанскому знанію. Не всѣ, разумѣется, мірскія науки имѣютъ одинаковое значеніе для указанной цѣли, но конечною цѣлью ученія должно служить познаніе Бога и Его воли. Однѣ изъ нихъ, какъ напр. математика, физика, астрономія, музыка, логика и діалектика; освѣщаютъ внѣшнія условія жизни человѣческой, научаютъ познанію внѣшняго міра и человѣка и постепенно возводятъ мысль его отъ земли къ небу; другія, особенно философія, занимаются уже высшими проблемами человѣческаго духа и имѣютъ ближайшее отношеніе къ христіанскому знанію. Особенно полезнымъ для вѣрующаго признается занятіе философіей. Ученые изслѣдователи нерѣдко ставили въ вину Клименту то, что онъ признавалъ за философіей не только формальное значеніе, но и матеріальное на томъ основаніи, что греческая философія до нѣкоторой степени познавала истину и вела къ праведности. Дѣйствительно, въ сочиненіяхъ Климента можно находить выраженія и частныя замѣчанія, высказанныя въ оживленной полемической рѣчи, могущія служить оправданіемъ для указаннаго обвиненія. Однакожь въ основныхъ сужденіяхъ Климента о значеніи философіи въ религіозномъ познаніи вообще и въ христіанскомъ знаніи въ частности вѣрно обозначена заслуга философіи. Основываясь на богородственныхъ свойствахъ души человѣческой и отраженій въ ней истины, Климентъ утверждалъ, что греческая философія доходила до познанія нѣкоторыхъ лучей истины, возбуждала религіозно-нравственныя стремленія (Рим. II, 14, 15), оказывала доброе вліяніе на нравы по край-

* См. «Дух. Влстн. Груз. Экз.» № 12-й за 1897г.

ней мѣрѣ лучшихъ представителей философіи, служила въ нѣкоторомъ родѣ завѣтомъ для нихъ, путеводела ко Христу, но не приготавлила къ блаженству, которое сдѣлалось возможнымъ только чрезъ искупленіе, совершенное І. Христомъ. Если прежде философія отчасти познавала истину и вліяла до нѣкоторой степени на нравы, то съ появленіемъ въ свѣтъ самой истины она оказалась полезною, дѣлая людей болѣе способными посредствомъ доводовъ вѣры и уразумѣвать содержаніе ея. Въ отношеніи къ постиженію христіанской истины она — не причина, но предуготовительная сопричина, содѣйствующая и вспомоществующая христіанскому гностику. Она не есть такая необходимая вещь, безъ которой „не было бы истины“, ибо ученіе Спасителя, будучи Божіей силою и премудростію, само по себѣ совершенно и чрезъ философію не дѣлается болѣе сильнымъ. Но она полезна для отраженія софистическихъ нападеній на истину, для отчетливаго уразумѣнія истинъ вѣры и для возвышенія къ научному знанію. Вообще же всѣми подготовительными науками должно пользоваться съ такою же осторожностію, съ какою срываемъ розу, окруженную шипами.

Послѣ изученія предуготовительныхъ наукъ, способствующихъ очищенію души отъ худыхъ помысленій и пожеланій, гностикъ приступаетъ къ изученію источниковъ вѣры, — Св. Писанія и церковнаго преданія, пользуясь при этомъ всѣми услугами вспомогательныхъ наукъ. Гностикъ, по требованію вѣры, о возрастаніи которой онъ заботится въ теченіе всей своей жизни, признаетъ Св. Писаніе истиннымъ во всемъ его объемѣ: отрицаніе истинности какой-либо части Св. Писанія свидѣтельствуетъ о недовѣрїи къ Богу и Его голосу, поучающему въ Писаніи, и объ отсутствїи полноты вѣры, какъ всецѣлой преданности ко Христу. Истинналъ вѣра есть признаніе божественнаго происхожденія всего откровенія. Вотъ правило, которымъ, по ученію Климента, долженъ руководствоваться вѣрующій, приступающій къ изученію Св. Писанія, чтобы не уподобиться человѣку, возложившему руку на рало и озирающемуся назадъ, т. е. желающему вѣровать, но не признающему вѣру руководительнымъ началомъ всей своей дѣятельности. Во времена Климента это правило не соблюдалось еретиками, не признававшими всѣхъ Писаній въ ихъ неповрежденности, вырывавшими то тамъ, то сямъ отдѣльныя обоюдныя по смыслу выраженія и изъяснявшими ихъ въ духѣ своихъ мнѣній, не

имѣвшихъ ничего общаго съ церковнымъ ученіемъ. При изученіи и изъясненіи Св. Писанія, вѣрующей гностикъ руководствуется „правиломъ истины, заимствованной отъ самой истины“. Смысль этого правила состоитъ въ томъ, что всѣ мысли и выводы, составляющіе результатъ всесторонняго изученія Слова Божія, должны находиться въ строгомъ согласіи съ содержаніемъ вѣры, въ которое мы увѣровали, какъ въ ученіе Самаго Господа. Ибо и самое Писаніе онъ изучаетъ для болѣе глубокаго и отчетливаго постиженія истинъ вѣры. Знаніе Св. Писанія и умѣнье обосновать истины вѣры на доказательствахъ, заимствованныхъ изъ него, составляетъ отличіе гностика отъ простаго вѣрующаго, только „вкушающаго“, отъ Писаній. Доказательства, почерпнутыя изъ Писаній, признаются Климентомъ единственно достовѣрными доказательствами нашей вѣры. Мы не ожидаемъ, говоритъ онъ, свидѣтельствъ отъ людей: человѣческимъ доказательствамъ можно противопоставить другія доказательства; увѣренность же въ искомомъ мы получаемъ въ словѣ Божіемъ, которое „вѣрнѣе всѣхъ доказательствъ, или лучше-оно единственное доказательство“. Въ Св. Писаніи гностикъ старается постигнуть таинственный смыслъ его, прикрытый буквою. Замѣчанія Климента объ аллегорическомъ изъясненіи Писанія и нѣкоторые опыты подобнаго истолкованія, предложенные имъ, могли содѣйствовать распространенію чрезмѣрнаго аллегоризма въ экзегетическихъ трудахъ послѣдующихъ церковныхъ писателей. Къ источникамъ гносиса Климентъ подобно всѣмъ церковнымъ учителямъ, причисляетъ и устное преданіе. Но кромѣ обще-церковнаго преданія онъ ссылается еще на существованіе ему извѣстнаго тайнаго преданія, доступнаго немногимъ. Трудно сказать съ увѣренностію, что разумѣетъ Климентъ подъ этимъ преданіемъ; по крайней мѣрѣ въ его сочиненіяхъ нѣтъ ничего такого, что не было бы извѣстно всей церкви.

Съ умноженіемъ и усовершеніемъ теоретическаго знанія параллельно усовершеняется и нравственная жизнь гностика; ибо жизнь его должна быть отображеніемъ воли Господа, надъ уразумѣніемъ которой онъ трудится до старости. Внутренняя связь между теоретическимъ знаніемъ и жизнью превосходно постигнута Климентомъ и точно выражена въ слѣдующихъ словахъ: „каково ученіе, такова должна быть и жизнь: дерево познается по плодамъ, а не по цвѣтамъ и листьямъ. Слѣдовательно, гносисъ (познается) изъ плода и поведенія,

а не изъ ученія и цвѣтовъ; ибо мы сказали, что гносисъ не есть только ученіе, но нѣкоторое божественное знаніе и тотъ свѣтъ, который происходитъ въ душѣ изъ послушанія заповѣдямъ, освѣщающій все, и сущее въ твореніи, и самаго человѣка, и приготовляющій къ познанію себя самаго и научающій, какъ стать въ общеніе съ Богомъ: ибо что глазъ въ тѣлѣ, то гносисъ въ умѣ“. Но при изображеніи идеала совершенной нравственной жизни, къ достиженію котораго долженъ стремиться гностикъ, Климентъ нерѣдко высказываетъ сужденія, повидимому унижающія значеніе простой вѣры въ области религіозно-нравственной жизни, если вѣра не соединяется съ научнымъ образованіемъ. Дѣйствительно, христіанскій мудрецъ, изображаемый Климентомъ, отражаетъ въ себѣ нѣкоторыя черты стоическаго мудреца, руководящагося въ своихъ нравственныхъ поступкахъ разумомъ и далеко превосходящаго простаго вѣрующаго, дѣйствующаго по влеченію темнаго чувства. Простой вѣрующій, по Клименту, совершаетъ добро или по страху предъ наказаніями или въ надеждѣ на будущее блаженство, но не въ силу безкорыстной любви къ добру; посему онъ и совершаетъ нѣчто среднее, ни доброе, ни злое. Гностикъ же, слѣдующій свободнымъ внушеніямъ любви, дѣлаетъ добро ради самаго добра съ яснымъ сознаніемъ цѣли, для которой онъ совершаетъ поступки и т. д. Но какъ бы ни была несовершенна форма, въ которой Климентъ представляетъ нравственное превосходство гностика и несовершенство простаго вѣрующаго; однакожь она не мѣшаетъ видѣть, что въ основѣ сужденій александрійскаго моралиста о прогрессѣ религіозно-нравственной жизни лежитъ правильная мысль, хотя и не получившая полнаго развитія въ духѣ христіанскаго нравоученія. Мы уже видѣли, что Климентъ признаетъ вѣру совершенною самою въ себѣ, ни въ чемъ не нуждающеюся, силою во спасеніе, доступною для всѣхъ людей безъ исключенія, что добродѣтель „безъ сомнѣнія можетъ быть достигаема и безъ мірекой мудрости, но все-таки людьми, учившимися чему нибудь и съ чувствами развитыми“. Но вѣра, не дѣлаясь мертвою, должна усовершенствоваться у всѣхъ вѣрующихъ, по мѣрѣ силъ каждаго; она должна развиваться и въ знаніи посредствомъ размышленія и созерцанія, доступныхъ всѣмъ вѣрующимъ, и посредствомъ упражненія въ добродѣтели. Это — правильная мысль. Вѣра, по Клименту, еще болѣе усовершенствуется въ знаніи, достигаемомъ при помощи долгаго ученія и всесторонняго образованія и сопровождаемомъ соотвѣтству-

ющею высотой добродѣтельной жизни. И эту мысль нельзя не признать вѣрною. Но мысль о возможности достигнуть праведности одною простою вѣрою не развивается у Климента съ надлежащею полнотою, хотя и нѣтъ недостатка въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ она ясно высказывается. Напротивъ, вторая мысль раскрывается съ настойчивостію, заставляющею иногда думать, что Климентъ какъ будто бы забываетъ, что не всёмі и не въ одинаковой мѣрѣ доступны и долгое ученіе и даръ мудрости. Значеніе обѣихъ мыслей въ отношеніи къ нравственному совершенству, приводящему ко спасенію, Климентъ не выразилъ съ тою опредѣленностію, съ какою выражено оно, напр., у св. Григорія Назіанзина. „Благодареніе Богу, говоритъ онъ, что даетъ и превосходные дары и умѣетъ спасать и общими средствами“. „Для всѣхъ земля, огонь, воздухъ; но золото не для всѣхъ и составляетъ преимущество немногихъ“. Къ общимъ спасительнымъ средствамъ принадлежитъ вѣра. „Слѣдующее за симъ (въ томъ числѣ и мудрость), хотя выше цѣнится по рѣдкости, но касательно необходимости занимаетъ второе мѣсто. Ибо безъ чего нельзя быть христіаниномъ, то полезнѣе доступнаго немногимъ“.

Гносисъ обнимаетъ во всей совокупности все знаніе и божественное и человѣческое и, насколько возможно для человѣка, приближается къ точному и полному познанію истины. Гностикъ стремится къ познанію Бога, какъ первой причины и всего, происшедшаго отъ Него, познаетъ міръ, связь явленій, совершающихся въ немъ, и причину, произведшую его. Это знаніе божественное. Человѣческое знаніе состоитъ въ постиженіи того, что такое человѣкъ, что согласно съ его природой и что противно ей; каковы добродѣтели и пороки, что такое добро и зло. Достигая совершенства знанія и святой жизни, гностикъ возносится мыслию туда, гдѣ обитаетъ Богъ, и уже здѣсь, на землѣ, достигаетъ нѣкоего богоподобія. Самый совершенный плодъ гносиса есть любовь, служащая твердымъ и неизмѣннымъ расположеніемъ къ добру и приводящая къ единенію съ Богомъ: „кто стремится къ гносису, тотъ ищетъ совершенства любви“. Но, говоря о совершенствѣ знанія, достигаемаго гностикомъ, Климентъ ясно выражается, что наше знаніе въ предѣлахъ земной жизни никогда не достигаетъ совершенства, а потому оно всегда восполняется вѣрою и утверждается на ней; только въ будущей жизни мы увидимъ истину лицомъ

къ лицу и тогда настанетъ вѣчное созерцаніе и вѣчное успокоеніе.

Въ своихъ сужденіяхъ о взаимныхъ отношеніяхъ между вѣрою и знаніемъ Климентъ выяснилъ положенія, послужившія основой для дальнѣйшаго развитія христіанской науки. Эти положенія можно представить въ такой послѣдовательности. Первое и исходное положеніе: *вѣра предшествуетъ знанію*. Смыслъ этого положенія слѣдующій: основныя начала не доказываются; прежде нужно принять ихъ на вѣру и тогда уже созидать на нихъ зданіе науки. Предметомъ христіанскаго знанія служитъ Богъ—первое, высшее и основное начало всего. Если это начало должно служить основаніемъ христіанскаго знанія, то тѣмъ болѣе прежде нужно увѣровать въ Него и Его откровеніе. Въ самомъ откровеніи говорится, что вѣра открываетъ доступъ къ знанію: *еще не увѣруете, ниже имате разумѣти*; ибо одною вѣрою постигается то, что относится къ началу вселенной. Итакъ, если существомъ самыхъ основныхъ началъ, не подлежащихъ доказательству, ограниченностію нашего разума, не могущаго проникнуть въ существо истины, и откровеніемъ требуется вѣра, какъ первое условіе знанія; то, очевидно, христіанскому знанію должна предшествовать вѣра и служить исходнымъ пунктомъ для него; потому что только она возводитъ къ общему, простому началу, которое не есть ни съ матеріей, ни матерія, ни подъ матеріей. Съ этой точки зрѣнія Климентъ высказываетъ положеніе: *не сомнѣніе въ Богъ, но вѣра служитъ основаніемъ знанія*. Второе положеніе утверждаетъ возможность перехода отъ простой вѣры къ научному знанію и взаимное отношеніе ихъ по содержанію: *вѣра не безъ знанія*. Ибо вѣра, при всей своей простотѣ, заключаетъ въ себѣ знаніе, но краткое и неотчетливое. Посему вѣра ради совершенства своего должна сдѣлаться яснымъ, отчетливымъ знаніемъ своего содержанія. Но предметомъ знанія должно быть только то, что сокрыто въ вѣрѣ въ качествѣ блага и что она знаетъ безъ научнаго изслѣдованія; поэтому отъ сей вѣры должно воспринимать и умножать знаніе о Богѣ. Между вѣрою и знаніемъ нѣтъ различія по содержанію; сколько бы ни развивалось знаніе, но содержаніе его всегда одно и то же, что у простаго вѣрующаго. слѣдующія положенія опредѣляютъ и формальныя отношенія между вѣрою и знаніемъ. Значеніе вѣры по отношенію къ знанію не ограничивается только тѣмъ, что она даетъ содержаніе гносису, но служитъ критеріемъ, опредѣляющимъ достовѣрность того или другаго показа-

нія разума. Въ этомъ отношеніи *вѣра главнѣе знанія и есть критерій ея*. Но вѣра есть сокращенное знаніе, а гносисъ отчетливое и твердое знаніе всѣхъ частныхъ откровенія. Съ этой стороны *знаніе болѣе вѣры*. Вѣра сопутствуетъ знанію на всѣхъ ступеняхъ его развитія, а гносисъ никогда не отрывается ни отъ содержанія вѣры, ни отъ приговоровъ ея по поводу его показаній: гностикъ, такъ сказать, пригвожденъ къ вѣрѣ; для него вѣра столько же нужна, какъ дыханіе для жизни. Это отношеніе между вѣрою и знаніемъ Климентъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: *есть знаніе върующее и вѣра знающая по нѣкоему божественному согласію и взаимному соупутствованію*. Знаніе на высшей своей ступени есть только *научная вѣра* или *познающая вѣра*. Всѣ же обозначенныя положенія объединяются въ слѣдующей общей формулѣ: *нѣтъ ни знанія безъ вѣры, ни вѣры безъ знанія*.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе Климента о вѣрѣ и ея отношеніи къ знанію. Оно запечатлѣно духомъ высокаго умозрѣнія и глубокаго постиженія существа вѣры и истиннаго знанія и представляетъ собою глубокомысленный анализъ восхожденія отъ вѣры къ знанію, отъ первой, менѣе совершенной, ступени религіозно-умственной и нравственной жизни къ высшей ступени совершенства ея. *Вѣрою* (подается) *знаніе, знаніемъ—любовь, а любовью—наслѣдіе*. Вотъ начало, умноженіе и послѣдняя цѣль вѣры и знанія.

Ученіе Климента о вѣрѣ представляетъ собою замѣчательное свидѣтельство о томъ, какъ понималось существо вѣры и ея отношеніе къ разуму человѣческому во времена, еще не много отдаленныя отъ начала происхожденія христіанства. Ибо въ этомъ ученіи объединяются наставленія, заимствованныя изъ Св. Писанія, твореній мужей апостольскихъ и ихъ учениковъ, съ воззрѣніями, почерпнутыми изъ живаго сознанія церковнаго, еще столь близкаго къ устной проповѣди апостольской. Климентъ самъ говоритъ, что въ своихъ сочиненіяхъ предлагаетъ уроки своихъ учителей, принявшихъ наставленіе въ вѣрѣ отъ учениковъ апостольскихъ. По своимъ основнымъ положеніямъ ученіе знаменитаго наставника александрійскаго о вѣрѣ согласуется съ ученіемъ другихъ церковныхъ учителей о томъ же предметѣ, но полнѣе и въ системѣ предлагаетъ сказанное другими отрывочно и своею полнотою и основательностію содѣйствуетъ уясненію вопроса о вѣрѣ, столь существеннаго для cadaго изъ насъ: оно возводитъ

нашу мысль къ глубочайшимъ основамъ вѣры и правильно освѣщаетъ путь, коимъ должно совершаться постепенное возрастаніе ея, какъ живаго начала жизни христіанской. Какъ раскрытое въ борьбѣ съ противниками вѣры, оно предлагаетъ обильный матеріалъ и руководство для надлежащей оцѣнки ложныхъ ученій о вѣрѣ, принадлежащихъ новымъ мыслителямъ, имѣющимъ много общаго съ прежними противниками ея. Въ подтвержденіе высказанной мысли приводимъ два-три примѣра. Во времена Климента нѣкоторые считали вѣру „суетною“, ненадежнымъ органомъ религіознаго познанія; нынѣ же упрекаютъ церковную вѣру въ томъ, что она будто бы ограничивается признаніемъ догматовъ, но не служитъ началомъ дѣятельной жизни; церковь, говорятъ новые противники вѣры, учитъ, что счастье пріобрѣтается человѣкомъ безъ самодѣтельности съ его стороны, но только вѣрою въ догматы; имѣй вѣру (безъ реального содержанія) въ жизнь будущую, блаженную, а здѣсь по прежнему живи дурно и т. п. Древніе и новые противники церковной вѣры въ своихъ нападкахъ на нее выходятъ изъ различныхъ точекъ зрѣнія, но сходятся между собою въ томъ, что считаютъ ее суетною, недостаточною для пріобрѣтенія точнаго религіознаго знанія, по мнѣнію однихъ, и для преуспѣянія въ добродѣтельной жизни, по мнѣнію другихъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ сказывается одностороннее пониманіе церковнаго ученія о вѣрѣ. По ученію церкви и учителей церковныхъ истинною вѣрою признается только та, которая служитъ основою христіанскаго знанія и святой добродѣтельной жизни; вѣра же, ограничивающаяся только признаніемъ истинности христіанскаго откровенія, но не сопровождающаяся успѣхами въ религіозно-нравственной жизни, объявляется холодною вѣрою, омертвѣвшею въ самомъ началѣ своего происхожденія: по плодамъ, а не по цвѣтамъ и листьямъ познается дерево, говоритъ Климентъ. Въ древности люди, не разумѣвшіе существа вѣры и ея отношенія къ разуму, позволяли себѣ отвергать нѣкоторые догматы, а другіе извращать. Подобный же произволь они допускали и въ отношеніи къ источникамъ вѣры — Св. Писаніямъ. Они, говоритъ Климентъ, не признаютъ всѣхъ Писаній въ ихъ неповрежденности, а признаваемое направляютъ посредствомъ истолкованія къ своимъ собственнымъ мнѣніямъ и страстямъ. Точно также поступаютъ и современные противники вѣры, оправдываясь тѣмъ, что будто бы люди церкви исказили Евангеліе. Но они забываютъ или не знаютъ, что

вѣра есть признаніе всего откровенія. Если мы увѣровали въ Господа, то уже вѣрою мы обязываемся принимать все откровеніе Его и все Писаніе, въ коемъ мы слышимъ голосъ Его: отрицаніе какой либо части откровенія служить признакомъ не вѣры, а недвѣрія къ Богу. Наша увѣренность въ происхожденіи христіанской истины отъ Бога чрезъ І. Христа основывается на авторитетѣ церкви, знающей о томъ, что ученіе, изложенное въ Св. Писаніи, произошло отъ І. Христа. Но принимать отъ церкви Писаніе и въ то же время порицать ее за извращеніе его—значить не имѣть твердой вѣры въ божественное происхожденіе христіанскаго откровенія. Такъ учить Климентъ, такъ учили и его наставники, получившіе наставленіе въ вѣрѣ отъ учениковъ апостольскихъ. Вѣра, говоритъ Климентъ, есть *послушаніе*. Гдѣ нѣтъ этого послушанія голосу Божию и свидѣтельству церкви, тамъ нѣтъ и полной вѣры.

К. Поповъ.

ХХХХХ

[догматическое ученіе и обрядовая сторона секты].

(Окончаніе)

Когда же на собраніяхъ присутствуютъ одни сектанты, картина радѣній измѣняется. Предъ началомъ радѣнія всѣ сектанты переодѣваются въ своеобразные костюмы. Мужчины надѣваютъ на себя бѣлыя сорочки, а женщины—бѣлые сарафаны или юбки, при чемъ грудь и ноги до колѣнъ у женщинъ остаются обнаженными. Въ такихъ костюмахъ, взявъ въ руки по бѣлому платку, радѣльщики отправляются на поклонъ кормщику и кормщицѣ, которые уже сидятъ на своихъ престолахъ. Послѣ обычнаго поклона каждымъ сектантомъ совершается цѣлованіе руки или колѣна Христа и богородицы, при чемъ послѣ поцѣлуя иногда хлысты крестятся. Отдавъ такимъ образомъ должную честь своимъ руководителямъ, сектанты усаживаются на свои мѣста. Послѣ обычнаго чтенія, религіозныхъ бесѣдъ и пѣнія избранныхъ „Христомъ“ пѣсенъ сектанты приступаютъ къ круженіямъ, которыя по формѣ совершенія носятъ разныя названія, напр., одиноч-

*) См. «Дух. Вѣсти. Груз. Экз.» № 11 за 1897 г.

ное круженіе, радѣніе въ схватку, стѣнкой, корабельное или Давидово и др. „Одиночное“ радѣніе состоитъ въ томъ, что одинъ изъ хлыстовъ выходитъ на средину комнаты и начинаетъ по солнцу, т. е. справа на лѣво, быстро кружиться, упираясь правой ноги пяткой, а лѣвой — всѣмъ слѣдомъ. Во время радѣнія „въ схватку“ сектантъ, обнявъ женщину, до изнуренія кружится съ нею по комнатѣ; эта форма радѣнія напоминаетъ собою современные танцы.

Радѣніе въ схватку совершается преимущественно молодыми мужчинами и женщинами. Въ нѣкоторыхъ корабляхъ эту форму радѣнія запрещаютъ, справедливо подозрѣвая присутствіе вовсе не религиозныхъ мотивовъ у молодыхъ людей, избирающихъ этотъ видъ радѣнія.

Въ радѣніи „стѣнкой“ принимаютъ участіе всѣ радѣльщики; составляется общій кругъ и каждый хлыстъ, ставъ въ полуоборотъ къ сосѣду, дѣлаетъ высокій прыжокъ ногами и въ тоже время машетъ руками — полезное гимнастическое упражненіе! Корабельное или Давидово радѣніе состоитъ въ томъ, что сектанты, составивъ кругъ, бѣгаютъ одинъ за другимъ по солнцу, сопровождая бѣганье сильнымъ топаньемъ и маханіемъ рукъ. Давидовымъ это радѣніе названо потому, что оно устрояется хлыстами въ подражаніе пророку Давиду, скакавшему и игравшему предъ кивотомъ завѣта.

Въ промежутки круженій сектанты неистово бьютъ себя по обнаженному тѣлу жгутами, послѣ каждаго удара приговаривая: „хлыщу, хлыщу — Христа ищу“. Послѣ такихъ самоистязаній нѣкоторые пророки или пророчицы, закружась до изступленія, начинаютъ нести всякій вздоръ, часто непонятный и для самихъ сектантовъ, или, выражаясь словами хлыстовъ, „пророчествуютъ“.

Даръ пророчества получается не всегда и не всѣми, а только избранными и въ то время, когда „Духъ накатитъ“, какъ говорятъ хлысты.

Въ нижеприведенномъ роспѣвцѣ хлыстами наглядно изображается сошествіе Духа на усерднаго радѣльщика „батюшку“ — т. е. самого кормчаго.

Изъ рая птица летитъ ¹),

Въ тое сторону глядитъ,

¹) „Изъ рая птица летитъ“, т. е. „сокатываетъ“ — сходить Святой Духъ, который на языкѣ хлыстовъ называется „райскою птицею“.

Гдѣ шумить труба золотая ²),
 Тамъ нашъ батюшка, катая,
 Провѣстилъ намъ Святой Духъ,
 Покатилъ сударь на кругъ;
 Онъ на кругѣ разрадѣлся,
 Въ золоты ризы одѣлся ³).
 Изъ-за-устъ духъ дышетъ,
 Вѣрныхъ имена онъ пишетъ;
 Кто въ чемъ, други, пребываетъ,
 Такъ того и называетъ и т. д.

Пророчества хлыстовъ бываютъ различны: въ однихъ порицается православная церковь, въ другихъ—обличаются отступившіе отъ хлыстовскаго ученія, иныя заключаютъ въ себѣ предсказанія будущаго и т. п.

Во время совершенія годовыхъ радѣній, самыхъ торжественныхъ и продолжительныхъ, послѣ круженій ставится среди комнаты чанъ или кадка съ водой, откуда, по убѣжденію сектантовъ, выходитъ младенецъ Христосъ, который вызывается пѣніемъ хлыстовской стихотворной молитвы:

„Дай намъ, Господи, Христа,
 Дай намъ, сударь, Сына Божія и т. д.

Вмѣсто ожидаемаго Христа на сцену является молодая, красивая дѣвка, у которой фанатики цѣлуютъ обнаженныя части тѣла, что должно означать цѣлованіе воображаемаго Христа.

Въ концѣ радѣній пророки и пророчицы иногда причащаютъ своихъ соучастниковъ хлѣбомъ съ водой или квасомъ.

Пророкъ или пророчица, подошедши къ столу, рѣжетъ лежащій на немъ хлѣбъ на части, а въ воду (или квасъ), находящуюся въ особой кружкѣ, троекратно погружаетъ осьмиконечный крестъ. Всѣ присутствующіе по порядку подходятъ къ столу; пророкъ или пророчица, произнося слова: „примите, ядите“.. и „пійте отъ нея вси“... каждому подошедшему даетъ часть хлѣба, которую послѣдній тутъ же

²) „Гдѣ шумить труба золотая“—радѣльщикъ такъ усердно кружится, что одежда его унодобляется трубѣ и производитъ нѣкоторый шумъ.

³) „Въ золоты ризы одѣлся“—достигъ того состоянія или момента, когда начинаетъ пророчествовать.

сѣдаеть, запивая изъ кружки водою или квасомъ. По объясненію хлыстовъ, хлѣбъ, употребляемый ими для причащенія, изображаетъ „Слово Божіе“, а вода — „слезы кающагося грѣшника“.

По окончаніи радѣнія сектантамъ предлагается чай съ разными закусками.

Вопреки ученію хлыстовъ о необходимости умерщвленія плоти, почти всѣ радѣнія ихъ, кромѣ простыхъ, заканчиваются свальнымъ грѣхомъ. Огни въ комнатахъ тушатся, наступаетъ непроницаемая тьма и что затѣмъ творится, видитъ одинъ Богъ, да знаютъ сами сектанты. Часто сходятся отецъ съ дочерью, мать съ сыномъ, братъ съ сестрою.... и тяжкій грѣхъ прикрывается ночнымъ мракомъ.

По мнѣнію хлыстовъ, радѣнія имѣютъ весьма важное значеніе: въ нихъ умерщвляются плотскія страсти, душа радѣльника возвышается къ Богу и служить Ему. По научнымъ же изслѣдованіямъ, подобныя оргіи оказываютъ весьма вредное вліяніе на послѣдователей этой секты: онѣ совершенно уродуютъ сектантовъ. Прыганье, круженье и верченье доводятъ ихъ до полнѣйшаго физическаго изнеможенія. Почти всѣ послѣдователи хлыстовской секты — люди съ распатанной нервной системой, изнуренные и совершенно неспособные къ труду. Имѣя въ виду дикость ученія и религіозныхъ обрядовъ хлыстовъ, несомнѣнный вредъ, причиняемый ими Государству и отечеству пропагандою разврата, физическое уродство сектантовъ, — хлыстовская секта признана Правительствомъ весьма вредною и послѣдователи ея строго преслѣдуются русскимъ законодательствомъ.

Свѣц. І. М.

Содержаніе № 14-го. *Часть оффиціальная*: Опредѣленія Святѣйшаго Синода. Назначеніе пенсій. Распоряженія Грузинскаго Епархіальнаго Начальства. Распоряженія Сухумскаго Епархіальнаго Начальства. Отъ Грузинскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. Разрядный списокъ учениковъ Горійскаго дух. училища, составленный училищнымъ Правленіемъ послѣ экзаменовъ, бывшихъ въ концѣ 189^г/₇ учебн. года. Разрядный списокъ учениковъ Озургетскаго духовн. училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годичныхъ экзаменовъ, бывшихъ въ маѣ и іюнѣ сего 1897 года. Списокъ воспитанниковъ Мингрельскаго дух. училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній 189^г/₇ уч. г. Разрядной списокъ учениковъ Телавскаго дух. училища за 189^г/₇ уч. г. *Часть неоффиціальная*: Кто учитъ людей срамословію? Вѣра и ея отношеніе къ христіанскому знанію — К. Попова. Хлысты (догматическое ученіе и обрядовая сторона секты) — свѣц. І. М.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Серафимъ*.

Печатать дозволяется. Тифлисъ, 14-го іюля 1897 г. Цензоръ, протоіерей *Евстацій Еліевъ*.

Типографія Евѣ. Иванов. Хеладзе, Лорисъ-Меликовская ул., домъ № 28-й.